

СТРУКТУРНЫЕ СУБЪЕКТЫ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА

О. Н. Квасов

Воронежская государственная лесотехническая академия

Поступила в редакцию 12 апреля 2009 г.

Аннотация: в статье предлагается анализ и классификация революционных организаций Российской империи начала XX столетия, осуществлявших революционный терроризм.

Ключевые слова: революционный терроризм, Российская империя, террористические организации.

Abstract: the article presents an analysis and classification of revolutionary organizations involved in terrorist movement in the Russian Empire at the beginning of the XX century.

Key words: revolutionary terror, Russian Empire, terrorist organizations

В начале XX столетия Российская империя оказалась в условиях тяжелого системного кризиса, который проявлялся во всех сферах жизни государства и общества. Содержание кризиса было связано с ускоренными и глубоко противоречивыми реформами. Происходящие изменения в экономической и социальной сферах вступали в противоречие с целым рядом консервативных пережитков и цивилизационных особенностей России. Наиболее болезненной была ситуация в социально-политической сфере. Необходимость перераспределения политического влияния между слоями населения, демократизация системы принятия политических решений и реформирование политического монополизма монархии стали очевидны еще в середине XIX в., в начале XX в. они стали насущными. Однако процесс этих изменений шел медленно и болезненно. Абсолютистская политическая система, в лице своей элиты, склонялась в сторону политических реформ только под нажимом критических ситуаций, одной из которых и оказалась Первая российская революция 1905—1907 гг. Такой узкий консерватизм не давал политической оппозиции других стратегий борьбы кроме как экстремизм. Апелляция к невозможности легальной борьбы в условиях абсолютной монархии была одной из распространенных в революционной среде. В свою очередь, политическое насилие, к которому склонялась революционная оппозиция, приобрело особо ожесточенные формы. Бескомпромиссное политическое противостояние царских репрессий с революционным экстремизмом втягивало российское общество в водоворот насилия и террора.

Зарождение и развитие идей российского революционного экстремизма и терроризма исчерпывающе представлены в работах В. П. Булдакова [1] и

О. В. Будницкого [2], сугубо критический образ этого террориста, на основе большого количества фактов и документов, описан А. Гейфман [3]. Современные российские исследователи проблемы терроризма всё большее внимание уделяют частным вопросам феномена: изучаются история наиболее важных фигурантов террористической борьбы [4—7], биографии участников и специфика террористической борьбы в отдельных регионах [8—10]. Однако, наряду с этими достижениями, остаются не ясны многие количественные параметры революционного терроризма, отсутствует представление о специфике осуществления террора на национальных окраинах, нет научного анализа террористической деятельности революционеров с определением мотивов, целей, организационной структуры, тактико-стратегических механизмов и др. Именно эти вопросы сейчас актуальны, так как такой анализ может особенно пригодиться в выработке подходов к решению террористических проблем современности. Рассмотрению вопроса типологизации субъектов террористической деятельности и посвящена настоящая статья.

Практически все российские революционные партии и организации в начале XX в. открыто поддерживали или считали возможными при определенных условиях террористические методы борьбы. Критика терроризма была непоследовательной и имела два основных акцента: отрицание индивидуализма террористов и спор о разрушительном влиянии индивидуально-террористической деятельности на массовые партийные организации. Первый аргумент критики носит полемический характер и, по всей видимости, бесперспективен из-за большого количества противоречивых фактов и идеологизированности спора. Даже наиболее жесткий полемист В. И. Ленин в декабре 1905 г. фактически дезавуировал предыдущие критические статьи о мелкобуржуазности террориз-

ма, потребовав его развития в условиях массового протестного движения [11, т. 11, с. 339—343; т. 14, с. 1—12]. При этом понятие «терроризм» подменялось более емким и неопределенным понятием «партизанская борьба».

Организационно-структурные опасности терроризма, заключающиеся в постепенном подчинении всех других форм партийной деятельности в угоду развития террористической, осознавались многими. Печальный пример «Народной воли» был налицо. Однако отказаться от такой формы революционного насилия российские партии были не в состоянии. Анализ народолюбивого опыта показал необходимость строгого разграничения функций и прерогатив террористических подразделений партии. Именно этот вывод стал определяющим для появления разнообразных типов партийных структур, наделенных террористическими функциями.

Под структурными субъектами нами понимается часть партийно-организационного механизма, «носитель прав и обязанностей» осуществления террористической деятельности, наделенный ими в рамках политической или идеологической программы. Главными критериями выделения субъектности являются наличие организационной правоспособности в проведении террора (партийная структурность, устав) и определенная функциональность с объемом задач и прерогатив. Терролог М. Д. Литвинов к признакам сложной террористической организации также относит обеспечение собственной безопасности группы, наличие структуры внутри организации, отработанных каналов финансирования и снабжения и систематической работы с личным составом [12, с. 17]. Однако не все эти признаки присутствуют в простых террористических организациях, что не исключает их участия в террористической деятельности.

В отличие от российских социал-демократов, организовавших партию вокруг центрального печатного органа, социалисты-революционеры объединяющим моментом сделали ряд успешных террористических актов на особо важные и символические фигуры самодержавия. Взятая на себя Боевой организацией эсеров (БО ПСР) ответственность за проведенные акты над министром внутренних дел Д. С. Сипягиным (02.04.1902) и губернаторами И. М. Оболенским (29.07.1902) и Н. М. Богдановичем (06.05.1903) позволила привлечь к объединению под партийным именем многочисленные провинциальные кружки народнического толка. БО ПСР стала важнейшим подразделением в структуре партии. Организованные БО убийства министра внутренних дел В. К. Плеве (15.07.1904) и великого князя Сергея Александровича (04.02.1905) современниками воспринимались началом революционных событий в стране. Неоднократно отмечалось, что значение Бо-

евой организации не ограничивалось осуществленными терактами, которых всего за десятилетие деятельности (1901—1911) насчитывалось 11. Именно на деятельность Боевой организации эсеры получали щедрые пожертвования в 1903—1906 гг., и это позволяло говорить о том, что террор содержал партию. После ошеломляющих удач БО ПСР последующие ее неудачи большого значения не имели, так как «наличием постоянно присутствовавшего фактора угрозы, висевшего над лицами из правительственного аппарата Российской империи» [7, с. 236] она себя оправдывала.

В своих воспоминаниях один из руководителей Боевой организации Б. В. Савинков представляет проект устава, который должен был определить правовое положение организации [13, с. 88—94]. Приватно одобренный руководством партии, устав официально не был принят. Такое пренебрежение к формальностям объясняется комплексом причин. Во-первых, огромным партийным значением БО ПСР, во-вторых, сложившейся и ненарушаемой традицией полной самостоятельности действий БО и, в-третьих, тем, что организацию последовательно возглавляли сами члены Центрального комитета партии Г. А. Гершуни, Е. Ф. Азеф, Б. В. Савинков. Таким образом, БО ПСР представляла собой особый вид террористической группы общепартийного значения, выполняющей важнейшие задания партии. Структуры подобной роли и деятельности БО ПСР среди террористических субъектов российского революционного движения не встречается.

После целого ряда неудач Боевой организации и временного самороспуска в конце 1906 г. партия эсеров предприняла структурные изменения своего террористического механизма. При областных комитетах начинают создаваться немногочисленные мобильные и особенно агрессивные группы. В пределах области эти отряды осуществляли теракты, санкционированные комитетом, и содействовали в организации террора на местах. Контроль боевого отряда вплоть до роспуска был «всецело в распоряжении областного комитета» [14, л. 47. Из устава Летучего боевого отряда ПСР]. ЦК ПСР стал возлагать на эти отряды особые надежды. С сентября 1906 г. под его контролем неудачно пытаются организовать центральный террор группа Э. М. Лапиной (Центральный боевой летучий отряд). В ноябре 1906 г. создается Боевой отряд ЦК ПСР (Центральный летучий боевой отряд) под руководством Л. И. Зильберберга, которому удается организовать убийство петербургского градоначальника В. Ф. фон-дер Лауница (21.12.1906) и приступить к подготовке покушений на великого князя Николая Николаевича, премьер-министра П. А. Столыпина и царя. Провальные аресты в феврале—марте 1907 г. ликвидируют эту группу. В нояб-

ре 1906 г. ЦК забирает под свое руководство Летучий боевой отряд Северной области, который, однако, не смог осуществить планируемые покушения на императора, министра юстиции И. Г. Щегловитова и пр. К такому типу отрядов можно отнести и ряд большевистских подразделений: Военно-техническое бюро, группу Семена Камо (Тер-Петросян), уральскую группу братьев Кадомцевых. Хотя большевики предпочитали не легализовать отношений с ними и осуществление индивидуального террора не являлось их главной задачей, содержание практической деятельности было фактически одинаково. К таким же подразделениям можно отнести и Боевой интернациональный отряд анархистов-коммунистов, организовавшийся в декабре 1907 г. Объединив наиболее деятельные силы российских анархистов, отряд планировал крупные акции, но аресты не позволили воплотить их в жизнь.

Третьим типом террористических подразделений являлись стационарные группы губернского подчинения. Именно они осуществляли акты местного значения. Такие подразделения стали появляться также в 1906 г., преимущественно из реформируемых боевых дружин октября—декабря 1905 г. Эта структура находилась «в полном распоряжении губернского комитета» и была «строго изолирована от всякой другой работы» [14, л. 8—9. Из устава Курской губернской организации ПСР]. Стремящиеся к самостоятельности губернные боевые отряды старались оформить свои уставы и четко разграничить полномочия и отношения с губернскими комитетами. Именно этого комитеты опасались, так как это стимулировало обособление боевиков от партии и рост их неуправляемости, что наблюдалось во всех организациях революционного течения. Партийный контроль за губернскими отрядами был очень сложным. Деятельность отрядов комитеты согласовывали с политической ситуацией в губернии, и подчас они бездействовали. Просто «держать боевиков под ружьем» было практически невозможно, начиналась самодеятельность. Некоторые комитеты, преимущественно большевистские, для повышения контроля личное оружие боевиков держали в общем хранилище, выдавая его только для акций или тренировок. Функциональность губернских боевых отрядов была широкой — от обеспечения вооружением и военного обучения членов партии до собственно проведения терактов и экспроприаций. Губернские отряды не были многочисленны, редко превышали десяток боевиков. При губернских комитетах в тесном, но не прямом контакте с боевыми отрядами могли создаваться местные технические бюро или лаборатории. Члены губернских боевых отрядов, не согласные с жестким партийным контролем и приостановкой боевой деятельности, в 1907 г. стали активно пополнять ряды максималистских и анархистских групп.

В свою очередь, губернские боевые отряды должны были оказывать содействие боевым дружинам низовых организаций. Такие боевые структуры встречались только у эсеров и максималистов, которые наделили боевой самостоятельностью крестьянские братства. В социал-демократических организациях для осуществления единичных актов, при отсутствии специализированных структур, выделялись инициативные группы или боевики, ограниченные в полномочиях, свободе и времени действия. По окончании акции и надобности такие малочисленные группы распускались. Однако в уставе крестьянской боевой дружины ПСР прямо оговаривалась экстремистская активность боевиков: «если какой-либо правительственный чиновник или другое лицо учинит зверскую расправу, каждый дружинник имеет право и обязан убить это лицо тут же на месте, не спрашивая на это разрешения...» [15, л. 184—185. Из устава крестьянской боевой дружины]. Такое положение способствовало росту агрессии и насилия в сельской местности, тем более что для этого были и объективные предпосылки кризисного состояния аграрного общества и хозяйства, социальную напряженность порождала и начавшаяся столыпинская реформа. Существование сельских террористических подразделений стало фактором перерастания террористической борьбы революционеров в социальную войну в форме аграрного и политического террора. Большая часть жертв революционно-террористических проявлений начала XX в. является жертвами социального террора, а не политического. Крупные теракты и высокопоставленные жертвы, политизируя террористическую активность революционеров начала XX в., скрывают ее огромную социальную составляющую.

Четвертым видом субъектов террористических подразделений были партизанские отряды, которые своей деятельностью практически стирали грань между терроризмом и коллективными боевыми действиями. Подвижного характера, разные по численности (от 2—3 до нескольких десятков человек), партизанские отряды действовали в пределах одной территории, подчас очень обширной. Такие формирования встречались у всех революционных партий и организаций, при этом их боевой состав мог быть разнопартийным, а сами партизаны легко меняли свои партийные приоритеты. Наибольшую известность получили партизанские подвиги прибалтийских лесных братьев, уральца Александра Лбова, Намаза Пиримкулова (Туркестан), Григория Котовского (Бессарабия), кавказца Зелимхана Гушмузукоева и др.

К особому типу террористических формирований можно отнести партии и организации, считавшие террор единственно и исключительно действенной формой революционной борьбы. Пропагандируемый и проводимый ими террор имел разные названия:

диффузный, разлитой, безмотивный. Суть его заключалась в лично немотивированном насилии по отношению к объектам терроризирования. Классические образцы такого насилия продемонстрировали анархисты-безмотивники во взрывах ресторана «Бристоль» в Варшаве (октябрь 1905 г.), одесской кофейни Либмана (17.12.1905), вагона 1-го класса в Екатеринославе (03.05.1906). Кроме анархистских групп, к подобным террористическим субъектам можно отнести максималистские группировки. В большом количестве такие подразделения были представлены в политизированных полукриминальных группах, которые активно стали появляться с 1906 г. Принимая эпатажные названия — «Черный ворон», «Черный террор», «Союз крайних террористов», «Союз народной мести», «Лига красного шнура» и пр., эти группировки занимались экспроприациями, вымогательствами и убийствами. Граница между революционным и уголовным насилием в таких группах стиралась не только для стороннего наблюдателя, но и для членов групп. Так, в уставе «Лиги красного шнура» прямо заявлялось: «Преследуя свое личное благосостояние, мы попутно вместе с этим вносим деморализацию в существующий государственный строй, не разбираясь в средствах, стремимся к его ниспровержению» [16, с. 225]. Извращенное сочетание корыстного и общественного интересов, их удовлетворение подчас и определяло направленность деятельности таких групп.

Количественные итоги террористической борьбы начала XX в. пытались определить неоднократно. Современные исследователи называют 17 тысяч жертв от террористических покушений. Очевидно, что собственно террористических актов, к которым относят различного характера покушения на жизнь, экспроприации, поджоги и пр., осуществленные не в ходе массовых столкновений, было больше. Известный историк партии эсеров М. И. Леонов утверждает, что в течение 1902—1911 гг. ими было совершено 247 терактов, причем на долю БО ПСР приходится только 11 совершенных покушений, «47 покушений на счету специализированных организаций: центрального боевого отряда и боевых областных отрядов. Остальные террористические акты совершили боевые дружины...» [17, с. 128—129]. Больше количество терактов (263) дает только К. В. Гусев [18, с. 34]. В то же время исследователи единогласно утверждают, что именно партия эсеров была основной сторонницей и проводницей террора, а другие революционные партии и организации соответственно не могли совершить более эсеров акций. Даже если взять в расчет (что необходимо сделать) террористическую активность националистических партий*, остается очевидным,

* На Кавказе с 1905 по 1908 г. было совершено 1150 терактов [19], в Польше в 1905—1907 гг. — 3166 [20, с. 117].

что большую долю террористических актов совершили низовые подразделения, включавшие боевые дружины крестьянских братств, партизанские отряды, анархистские и максималистские организации, полукриминальные объединения.

Таким образом, субъектный анализ российского революционного терроризма дает основание выделить пять основных категорий террористических подразделений, которые действовали в рамках партийных программ. Однако сопоставление числа жертв террора с количеством терактов, осуществленных революционными организациями, дает основание утверждать, что в основании российского революционного терроризма, кроме партийных и идеологических факторов, огромное значение имели социальные и общественные противоречия, которые и определили массовость и обширность террористических настроений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булдаков В. П. Красная смута : природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — М. : РОССПЭН, 1997.
2. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX века) / О. В. Будницкий. — М. : РОССПЭН, 2000.
3. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917 / А. Гейфман ; пер. с англ. — М. : КРОН-ПРЕСС, 1997.
4. Идельсон М. В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров / М. В. Идельсон // Краевед. зап. : исследования и материалы. — СПб., 1993. — Вып. 1.
5. Морозов К. Н. Б. В. Савинков и Боевая организация партии эсеров 1909—1911 гг. / К. Н. Морозов // Минувшее : ист. альманах. — М. ; СПб., 1995 — Вып. 18.
6. Морозов К. Н. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1909—1911 гг. и загадки «дела Петрова» / К. Н. Морозов // Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX в. : материалы конф. — М. : Мемориал, 1996.
7. Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901—1911 гг. / Р. А. Городницкий. — М., РОССПЭН, 1998.
8. Толочко А. П. О роли террора в деятельности эсеровского подполья в Сибири (1905 — февраль 1917 гг.) / А. П. Толочко, Н. П. Курусканова // Исторический ежегодник, 1997 (спецвыпуск).
9. Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901—1911 гг.) / О. Н. Квасов. — Воронеж : ВГУ, 2005.
10. Горбачева И. М. Индивидуальный политический террор леворадикальных партий и борьба с ним Московского охранного отделения (конец XIX в.

- 1917 год) : дис. ... канд. ист. наук / И. М. Горбачева. — М., 2006.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
12. Литвинов Н. Д. Террористические организации : формирование и деятельность : (политико-правовой анализ) / Н. Д. Литвинов. — М. ; Воронеж : ВИ МВД России, 1999.
13. Савинков Б. В. Воспоминания / Б. В. Савинков. — М. : Московский рабочий, 1990.
14. Государственный архив Курской области. — Ф. 1642. — Оп. 2. — Д. 168.
15. Государственный архив Воронежской области. — Ф.И-1. — Оп. 2. — Д. 95.
16. Квасов О. Н. Вырождение революционного террора отступающей революции (1905—1907 гг.) / О. Н. Квасов // Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV—XX веков. — Воронеж: ВГУ, 2006.
17. Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. / М. И. Леонов. — М. : РОССПЭН, 1997.
18. Гусев К. В. Рыцари террора / К. В. Гусев. — М. : Луч, 1992.
19. История СССР. — 1990. — № 1.
20. Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX в. — М. : Мемориал, 1996.

Воронежская государственная лесотехническая академия

Квасов О. Н., доцент кафедры истории, политологии и культурологии

E-mail: kvasovoleg@yandex.ru

Тел.: (4732) 53-72-91

Voronezh State Forestry Academy

Kvasov O. N., Associate Professor of the History, Political Science and Culture Studies Department

E-mail: kvasovoleg@yandex.ru

Tel.: (4732) 53-72-91